

Нигяр ГЕЗАЛОВА,
доктор исторических наук

НАДИР ШАХ АФШАР

КАК ФЕНОМЕН АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XVIII ВЕКА

В истории Азербайджана особое место занимает Надир-шах Афшар (1736-1747) – правитель, который уже при жизни превратился в объект пристального внимания современников, от европейских дипломатов и путешественников до османских и индийских авторов. В этом году исполняется 290 лет с даты курултая на Муганской равнине (местечко Суговушан на территории современного Сабирабадского района Азербайджанской Республики), когда Надир объявил себя шахом. Анализ феномена Надир-шаха позволяет по-новому интерпретировать не только историю Азербайджана, но и траектории трансформации восточного мира накануне эпохи колониального перекрестка земного шара. В связи с этим редакция начинает публикацию серии статей, посвященных этой необыкновенной личности.

От редакции

XVIII век в истории Азербайджана стал периодом глубокой перестройки политических и военных структур, обусловленной крушением державы Сефевидов, внешними интервенциями и кризисом механизмов легитимации верховной власти. В этих условиях деятельность Надир-шаха Афшара приобретает особое значение и требует анализа как феномена, сформировавшегося в рамках азербайджанской военно-политической традиции.

Надир происходил из тюркского племени афшаров, на протяжении веков формировавшего военную и политическую элиту региона. **Историческое значение Надир-шаха для Азербайджана определяется тем, что он воплотил одну из наиболее завершённых форм тюркской военно-политической модели власти XVIII века.** Его военная карьера, масштабы завоеваний и умение мобилизовывать людские и материальные ресурсы позволяют отнести его к числу крупнейших полководцев Востока, наряду с Чингиз-ханом и Тимуром.

Возвышение Надир шаха в контексте кризиса сефевидской государственности

К началу XVIII века Сефевидское государство вступило в фазу глубокого системного кризиса. Ослабление центральной власти сопровождалось деградацией военной организации, ростом самостоятельности провинциальных правителей и утратой эффективного контроля над периферийными регионами. Разрушение вертикали управления привело к фактической дезинтеграции политического пространства и подрыву механизмов мобилизации материальных и людских ресурсов. Кульминацией данного процесса стало афганское восстание, завершившееся в 1722 году захватом Исфахана и фактическим прекращением функционирования сефевидской монархии как централизованной политической системы (1).

Портрет Надир шаха. 1743-44 гг. Художник Бахрам. Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

В условиях краха центральной власти сын шаха Султана Хусейна (2) Тахмасиб II в июне 1722 года, располагая ограниченными военными силами, сформированными преимущественно из каджар, тайно покинул Исфахан и в ноябре того же года провозгласил себя шахом. Однако этот шаг носил больше номинальный характер и **не сопровождался восстановлением устойчивых**

Надир шах в битве у Дели. 1750-е годы. Художник Мухаммад Али ибн Абд ал-Байг. Музей искусств (Бостон, США)

административных и военных институтов. Новый шах не располагал ни достаточными финансовыми ресурсами, ни стабильной военной опорой. По мере продвижения афганских войск он был вынужден отступить из Казвина в Тебриз, затем в Ардебиль и в конечном итоге в Мазендеран. В течение последующих семи лет Сефевидская династия сохраняла лишь фрагментарный контроль над северными районами страны, в значительной степени завися от поддержки отдельных тюркских военных объединений и региональных военачальников.

Кризис сефевидской государственности совпал с активизацией внешней военной экспансии (3). **В первой половине 1720-х годов Российская и Османская империи осуществили военные и дипломатические меры, направленные на перераспределение контроля над территориями бывшего Сефевидского государства.** В результате Прикаспийского похода 1722–1723 годов, предпринятого по инициативе Петра I, под власть России перешёл ряд прикаспийских регионов, включая города Дер-

бент и Баку (4). Параллельно Османская империя осуществила продвижение в западно- и южно-кавказские области, установив контроль над значительной частью азербайджанских земель (5). Совокупное воздействие этих процессов привело к окончательному разрыву прежних государственно-административных связей и существенно углубило политическую и социальную дестабилизацию региона.

Ослабление сефевидской власти породило ожидания того, что навязанные извне договорённости будут без существенного сопротивления приняты внутри страны. Однако эти расчёты не оправдались. Шах Тахмасиб II не признал ни русско-сефевидский договор 1723 года, ни русско-османский договор 1724 года, заключённые без участия и воли законного сефевидского правителя и без учёта интересов населения соответствующих территорий (6). Аналогичную позицию заняли и жители оккупированных регионов, отказавшись подчиняться установленным извне режимам. **Афганская, османская и российская оккупации сопровождались тяжёлыми социально-экономическими последствиями, что способствовало росту массового недовольства** и создало предпосылки для зарождения освободительного движения. В этих условиях на первый план выдвинулась фигура Надира, сумевшего благодаря своим военным способностям и личному авторитету превратиться в ведущего деятеля этого сопротивления. Именно **он стал той силой, которая придала разрозненным очагам недовольства организованный и целенаправленный характер, превратив их в реальный военно-политический фактор.** Согласно данным источников, в 1726 году 37-летний Надир поступает на службу к шаху Тахмасибу II и принимает имя Тахмасибгулу-хан. Как сообщает Аврамов (7), «8 сентября (1726 года) прибыл в Качан [Кучан-Хабушан] авшарец Надыр-Кулы-бек при котором было войск конницы, и пехоты тысяч пять... которому шах... ранг переменял и назвал Тахмас Кулы-ханом» (8). Надир происходил из афшаров (9) и был уроженцем Дагестана в Хорасане — региона, где ещё со времён шаха Исмаила I практиковалась политика размещения тюркских племён на пограничных территориях в качестве военной опоры государства. **Он не принадлежал к высшей придворной аристократии и не имел доступа к династическим или бюрократическим каналам власти. Его положение определялось личными военными каче-**

ствами, опытом участия в локальных конфликтах и способностью формировать преданные ему вооружённые отряды. Командуя мобильными и дисциплинированными отрядами, Надир нанёс ряд чувствительных поражений афганским силам, что резко повысило его авторитет как в тюркской военной среде, так и в глазах сефевидского двора. Пройдя путь от командира локальных отрядов до центральной фигуры вооружённого сопротивления, Надир сумел выстроить устойчивую сеть военно-политических союзов. Это превратило его в главного носителя военной инициативы и фактического лидера сефевидского реванша, определявшего стратегию и направление военных действий от имени формально сохранявшейся династической власти. Военные успехи Надира, а также его способности к мобилизации тюркских племенных формирований обусловили стремительный рост его авторитета как в армии, так и при дворе, что привело к его фактическому выдвиганию на позиции главнокомандующего.

От военного регентства к верховной власти

Переломным этапом в процессе возвышения Надира стало освобождение Исфахана в 1729 году в результате разгрома афганских сил. Возвращение столицы имело не только военное, но и морально-символическое значение, ознаменовав в то же время переход Надира от внутренней стабилизации к активной военно-политической стратегии по восстановлению былых границ государства. **В последующий период военная деятельность Надира была направлена на поэтапное восстановление контроля над территориями, ранее входившими в состав Сефевидского государства**, посредством вытеснения иностранных держав. В отношении Российской империи данный курс выразился в эффективном сочетании военного давления и дипломатических усилий, кульминацией которого стало заключение Рештского (1732) и Гянджинского (1735) договоров. В соответствии с этими соглашениями Россия отказалась от всех своих прикаспийских территориальных приобретений, включая Баку и Дербент. Примечательно, что столь значительные уступки со стороны Российской империи были достигнуты без прямого военного столкновения. **Надир умело применил фактор военной угрозы в качестве инструмента внешнеполитического давления**, создав обстановку, в которой Россия была вынуждена принять его условия. Параллельно Надир

Щит Надира шаха. XVIII в. Диаметр 46 см. Кожа носорога. Украшения - шпинель, рубины, изумруды, бриллианты. Национальная сокровищница Ирана (музей драгоценностей)

развернул масштабные военные действия против Османской империи, добившись к середине 1730-х годов прекращения османского контроля над значительной частью Южного Кавказа и возвращения южно-азербайджанских земель под свою власть.

Перед этим Тахмасиб II своими неудачами в самостоятельных военных кампаниях, прежде всего против Османской империи, показал свою несостоятельность как политического и военного деятеля. Заключение же в 1732 году невыгодного мирного соглашения окончательно подорвало доверие к шаху со стороны военной элиты. Надир отказался признать этот договор, отправив в Стамбул посла с лаконичным посланием: «Возвращайте провинции или готовьтесь к войне!» (10) В августе 1732 года Тахмасиб был смещён, а на престол возведён его малолетний сын Аббас III. Этот акт носил формальный характер и скрывал за собой фактическую трансформацию системы власти. Надир принял титулы регента и наместника государства (*vakil üd-dövlə, naib üs-sältānə*) (11), **тем самым институционализировав своё положение как единственного носителя реальной политической и военной силы. Сохранение сефевидского имени на троне на данном этапе выполняло номинальную функцию** и служило средством поддержания внешней легитимности в условиях продолжающихся войн и дипломатического противоборства.

Надир шах возлагает корону на Мухаммад шаха, императора Великих Моголов. Рукопись «Джахангушаи Надери», середина XVIII в.

собствовало восприятию нового правления как формы преемственности, а не разрыва с прежней государственно-политической традицией. Принципиально важным элементом Муганского курултая стало то, что **Надир сознательно отказался от немедленного принятия шахского титула** и объявил себя *Вели-неметом*. (15) Титул *Вели-немет* подразумевал не просто верховного правителя, но фигуру покровителя и носителя высшей ответственности за судьбу государства и подданных, чья власть основывалась на военной доблести и коллективном признании, а не исключительно на династическом праве.

Фигура Надир-шаха Афшара занимает особое место в истории Азербайджана и Востока в целом не только масштабами военных кампаний, но прежде всего характером и направленностью его государственной деятельности. В условиях дезинтеграции сефевидской династической власти, усугублённой афганским вторжением, османским

экспансионизмом и продвижением Российской империи в прикаспийском регионе, **Надир-шах сумел не только восстановить контроль над всеми территориями, но и сохранить ключевые элементы кызылбашской государственности**, трансформировав их в новую династическую и военно-политическую модель. Созыв Муганского курултая 1736 года институционально оформил эту трансформацию, закрепив переход к новой модели легитимации власти, опирающейся на нормы и символику тюркской политической культуры. В этом контексте Азербайджан выступал не как периферийная область, а как историческое ядро кызылбашской системы: пространство, где формировалась военная элита, утверждалась политическая легитимность и действовали коллективные механизмы признания верховной власти.

Уже при жизни Надир превратился в объект пристального внимания современников, от

Портрет Надир шаха. 1780-1800 годы. Неизвестный художник

европейских дипломатов и путешественников до османских и индийских авторов. Масштаб этого интереса, зафиксированного в многочисленных хрониках, донесениях и биографиях XVIII века, свидетельствует о **восприятии Надир-шаха как одного из последних великих завоевателей, сопоставимого по историческому значению с Чингиз-ханом и Тимуром**. Таким образом, правление Надир-шаха представляет собой завершающий этап эволюции кызылбашской государственности в условиях раннего Нового времени. Анализ феномена Надир-шаха позволяет по-новому интерпретировать не только историю Азербайджана, но и траектории трансформации восточного мира накануне эпохи колониального перекроя земного шара. 🌟

Примечания

1. Avery, P. Nadir Shah and Afsharid Legacy // *The Cambridge History of Iran: From Nadir Shah to the Islamic Republic*. Vol. VII. Cambridge: Cambridge University Press, 1993, p. 15
2. После падения Исфахана восставшие афганцы казнили всех сефевидских принцев, оставив в живых лишь шаха Султана Хусейна. (Axworthy M. *The Sword of Persia: Nadir Shah, from Tribal Warrior to Conquering Tyrant*. London, UK and New-York: I.B. Tauris, 2006, p. 65–66)
3. Braun H. *Iran under the Safavids and in the XVIII century*. Translated and adapted by Bagley F.R.C. *The Muslim World, A history survey*, part III, 1969, p. 199
4. Ашурбейли С.Б. История города Баку (период средневековья). Баку: Элм, 1992, с. 209, 214
5. Münir Aktepe M. 1720-1724 Osmanlı-Iran Münasebetleri və Silahşör Kamani Mustafa Ağanın Revan Fateh-namesi. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fak. Yayınları. 1970, s. 21-22
6. Подробнее см.: Gozalova N.R. *The Russian-Safavid relations and Russian diplomacy in 1715-1735*. *Reconstructing the Past: Journal of Historical Studies* 40 Volume 2, Number 2, 2024, p. 40-53. <http://dx.doi.org/10.54414/GQNH5884>
7. Российский консул в Сефевидском государстве Семен Аврамов находился в течение 1726-1729 гг. при шахе Тахмасиб II.
8. «Записки» С.Аврамова об Иране как исторический источник // *Ученые записки ЛГУ*, № 128 (Серия востоковедения, № 3). 1952, с. 93
9. «Афшары - одна из ветвей тюркских огузов. Огузы - это тюркоманы, состоящие из 22 ветвей» (Kashgarli Mahmud. *Divanu Luğat-it-Turk*, translated by Besim Altay, с. I. Ankara, 1939, p. 55-56), «Афшары это одна из знатных тюркских племен» (Ali Akbar Dehoda, *Lugatname*, Tehran, 1947, p. 3112) и др. Шах Исмаил I комплектовал свою огромную армию в основном из афшаров и шести других тюркских племен, а именно – шамлу, румлу, устаджлу, тахалу, зул-кадар и кад-жар. Надир принадлежал к ветви Кырклу (или Кырыклу «сорок народов»), которая переселилась в Хорасан во времена шаха Исмаила (Lockhart L. *Nadir Shah: A Critical Study Based Mainly Upon Contemporary Sources*. London: Luzac & Co., 1938, p. 17).
10. Sykes P. *A history of Persia*. London: Macmillan & co. ltd. 1921. vol. II, p. 251
11. Ernest S.Tucker *Nadir Shah's Quest for Legitimacy in Post-Safavid Iran*. Florida, 2006. p. 35
12. Подробнее см.: Гёзалова Н.Р., Багиров А.Д. Багдадские походы Надир шаха Афшара в 30-40-е годы XVIII века. Баку: "Elm və təhsil", 2018
13. Axworthy M. *The Sword of Persia*, p. XV
14. Hanway J. *An historical account of the British trade*, Vol. II p. 123; Floor W. *The rise and fall of Nader Shah*, *Dutch east India company reports*, 1730-1747, p. 53
15. Hanway J. *An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea: With a Journal of Travels through Russia into Persia*. London: Dodsley; 1753, Vol. II p. 123; Floor W. *The Rise and Fall of Nader Shah: Dutch East India Company Reports*, 1730–1747. Washington: Mage Publishers; 2009, p. 53

The article provides a brief overview of Nader Shah Afshar's efforts to restore the former Safavid state to its former borders after its decline and de facto territorial division as a result of decentralization, internal strife and external wars. It is noted that Nader Shah attracted considerable attention during his lifetime, including in Europe, both as an outstanding military leader and as a statesman. The transfer of supreme power to Nader at the Mughan Kurultai represented merely a change of leadership while preserving the fundamental principles of Turkic statehood and was justified in terms of the revival and strengthening of the state. Moreover, the traditional method of transferring power at the Kurultai, with the participation of the military and tribal elite gave it legitimacy, as Nadir essentially acted as the successor to power, not a usurper.